

ОЛЕГ УСЕНКО,

кандидат исторических наук

ВСЕХ ПУГАЮТ ПЕРЕМЕНЫ...

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ В РОССИИ XVI—XVIII ВЕКОВ

Серией статей Б. Ананьича и В. Чернухи (№ 9-10, 11-12, 1991; № 2, 1992) мы начали важный разговор о природе расхождения между обществом и властью в России. Если вы помните, тогда речь шла о событиях XIX — начала XX века. Но процесс этот стал развиваться задолго до воцарения Александра I. Попытаемся выяснить, был ли неизбежен этот конфликт в переломную эпоху русской истории с XVI по конец XVIII века. Можно ли было не допустить его обострения? Что это — игра судьбы или люди сами сделали себя авторами и актёрами трагедии?

Государственные преобразования в России XVI—XVIII веков (стержнем которых было усиление самодержавия, крепостничества и военные реформы) в конечном счёте отвечали интересам всего общества. Власть, желающая сохранить саму себя, не могла не заботиться о социуме*, в котором существовала. Но проблема в том, что власть не могла ждать, пока общество само осознает необходимость изменений. Соответственно, мероприятия «сверху» не могли не рождать сильнеешего сопротивления им «снизу». Протест против усиления гнёта был объективно обусловлен и закономерен. Таким образом, конфликт власти и общества был неизбежен.

Но возможно ли было не допустить обострения этого процесса? Предположим, что «благоразумное» правительство попыталось объяснить народу необходимость преобразования, обрисовать перспективы развития общества, наладить диалог «верхов» и «низов». Но не нужно фантазировать. В России XVI—XVIII веков подобный диалог был невозможен в принципе. Политическое сознание того времени признавало субъектом власти только монарха, его окружение и в определённом смысле привилегированные слои общества. В сознании «верхов» обладание властью понималось исключительно как право на «самовластье», народу же (крестьянам, посадским людям) оставлялась лишь обязанность выполнять распоряжения сверху.

Сам же народ смотрел на власть иначе. Русские люди в XVI—XVIII веках признавали над собой лишь «законную» власть, совпадающую с их представлениями о справедливом и допустимом. При этом подразумевалось, что у всякой власти есть границы, выходить за которые не дозволено никому. Даже монарх должен был следовать «Божьей правде», а следовательно, и защищать народные интересы. В народном сознании постоянно присутствовала мысль о законности выступления против тех, кто злоупотребляет своими полномочиями. Приведём выдержку из «подмётного письма» начала XVIII века: *«Аще которая мирскаго могущества власть начнёт возносить свою бровь, на Божий закон из преданного ей предела правды выступать, и таковую власть всевышний Господь Бог смиряет и гордыне ея той Сам удобно противится...»*¹

Итак, конфликт «верхов» и «низов» в русском обществе XVI—XVIII веков усугубило взаимное непонимание, «сшибка» двух типов общественного сознания — культурный конфликт, рождённый переходом России от средневековья к Новому времени. Камнем преткновения были представления о царе и царской власти, а также оценка исторической ситуации в России, её своеобразия и смысла.

Ко времени первого венчания на царство (1547) правители России уже около ста лет величались царским титулом. В народном сознании успел сложиться идеальный образ

«праведного царя», образ, мало чем отличный от представления «верхов». «Праведным» в глазах народа выглядел монарх, который правил «по справедливости» (не поддаваясь человеческим слабостям и без излишних притеснений) и был «благочестивым» (строго следовал предписаниям православия, обычаям царского двора, национальным традициям и т. д.). При этом в массовом сознании традиционный параллелизм монарха и Бога уступал место тождеству, поскольку само слово «царь» в русских религиозных текстах являлось эпитетом Всевышнего.

Введение церковного обряда венчания на царство и миропомазания усложнило народные представления о царе. «Праведным» теперь считался государь, который был не только «справедливым» и «благочестивым», но и «законным». Последнее же качество определялось Богоизбранностью — наличием личной харизмы** и т. н. «царских знаков» на теле. Венчание на царство лишь оформляло предназначение свыше².

Со второй половины XVI века царистские представления «верхов» и «низов» стали всё больше расходиться. Проблему «законности» царя «верхи» свели к чисто формальным (обряд венчания) моментам. Это и позволило занять престол Б. Годунову, а затем В. Шуйскому (по традиционным представлениям они не имели на него *никаких прав*). Но для народа они остались «незаконными». Нет ничего удивительного, что оба Лжедмитрия получили широкую поддержку в народе. Избрание Михаила Романова на царство можно расценить как последний компромисс двух идеологий. «Верхи» пошли на уступки, допустив на Земский собор 1613 года казаков, посадских людей и черносотных

* социум (лат.) – общество.

** харизма – личная благодать, сверхъестественный дар.

с. 120

крестьян. «Законность» воцарения Михаила народные массы усматривали и в его Богоизбранности: он был сыном патриарха — заместителя Бога в делах церкви.

В сознании «верхов» с середины XVI века изменились и представления о воле монарха, её пределах. Уже Иван IV был уверен, что он, как помазанник Божий, не связан никакими законами и свободен в своих поступках. Точно так же и Пётр I усматривал в своём священном статусе возможность для произвола. Не случайно в поведении обоих правителей много общего: шутовство на троне, игра с царским титулом и саном, пренебрежение придворными обычаями, свободное обращение с религиозными предписаниями и пр.

Оба монарха оставили глубокий след в народном сознании. При Иване Грозном, доказавшем свою «неправедность», началось формирование народной легенды о «царе-избавителе», который, однажды явившись, накажет угнетателей и восстановит «справедливость»³. Именно эта легенда на протяжении двух столетий толкала народные массы к поддержке самозванцев, выдававших себя за «истинных государей». В начале XVIII века царевич Алексей Петрович противопоставлялся отцу как «истинный» государь «подменному»⁴. Ходили слухи, что Петра «подменили» во время его заграничного путешествия и что на троне сидит «немчин». Эта версия исчерпывающе объясняла непонятное для народа поведение Петра, его любовь ко всему иноземному, позволяя в то же время не подчиняться монарху.

с. 121

«Наивный монархизм» народа не раз играл роль детонатора в тех взрывах, что сотрясали Российское государство. И очень часто «землетрясение» вызывали сами «верхи», не

допускавшие мысли о возможности какой-либо другой оценки их деятельности, отличной от той, что выносили они сами себе.

С середины XVI века активно шла поляризация русского общественного сознания, усиливалась культурная оппозиция «верхов» и «низов». Этот процесс ещё более ускорился начиная со второй половины XVII века. В сознании правящей элиты происходила ломка средневековых представлений, рождалось новое отношение к миру, характерное для Нового времени. При дворе Петра I уже господствовала культура барокко и сформировался новый тип царедворца, государственного деятеля. Логическим завершением культурного раскола общества стала самоизоляция от всего русского дворянской знати в конце XVIII — начале XIX века. Потомки русских родовитых фамилий часто не знали родного языка, устраивали свой быт на западный манер и по сути стали иностранцами в собственной стране.

Наибольшую роль в культурном расколе русского общества сыграли церковная реформа Алексея Михайловича и петровские преобразования. Однако здесь нужно различать влияние самих реформ и трагическое стечение обстоятельств, не зависящих от воли реформаторов. Последних, конечно, можно упрекнуть: Алексея Михайловича — за преследования «староверов», Петра — за чрезмерную увлечённость реформаторством и нетерпеливость. И всё же противодействие их преобразованиям не было бы таким сильным и упорным, если бы не уникальная ситуация, в которой оказалось русское общественное сознание в XVII веке. Этот век прошёл под знаком эсхатологических ожиданий масс (подготовки к пришествию Антихриста и «концу света»).

Подобные идеи, присутствующие в русском религиозном сознании со времен Киевской Руси, впервые стали актуальными во второй половине XV века. Флорентийская уния (1439) и падение Константинополя (1453) были расценены как переход Запада в «царство Антихриста», и на Руси стали готовиться к наступлению конца. «Конец света» намечался на 1492 год (7000-й от сотворения мира). Тревожные ожидания не сбылись, но и не забылись.

В XVII веке с позиции «конца света» пробовали объяснять всё происходящее в природе и обществе. Так, в Брестской церковной унии (1596) увидели переход украинцев и белорусов под власть Антихриста и дурной знак для самой России. Подобными «знамениями» оказались и природные бедствия: трёхлетний неурожай и голод 1601—1603 годов. Апокалиптические ожидания подстегнула комета 1604 года, которую связали с появлением Лжедмитрия I и началом «Смуты». В польско-шведской интервенции русские люди увидели нашествие «антихристовой рати»⁵. Кроме того, событиям «Смутного времени» (кризису власти, обилию самозванцев, похождениям Марины Мнишек, избранию на царство М. Романова) нашлась аналогия в книжном предсказании, согласно которому до Антихриста будет эпоха «беззаконных царствований». В частности, упоминалось о правлении «жены-блудницы», с которой расправится архистратиг Михаил, посланный Богом⁶.

Окончание «Смуты» лишь ненадолго пригасило ожидание «конца света». Некоторые печатные книги 40-х годов XVII века доказывали, что Антихрист воцарится в России в 1666 году, а в 1669-м наступит «конец света»⁷. В это время появилось движение «капитонов», основатель которого — монах Капитон — призывал спасаться от Антихриста бегством в леса и скиты, вести там аскетический образ жизни, готовя свою душу к скорому Страшному суду. Тысячи людей, в основном крестьян, последовали призывам Капитона⁸.

И вот в такой наэлектризованной обстановке патриарх Никон и царь Алексей начали проводить реформы. Но они не приняли в расчёт то, что для большинства русского населения изменение обрядов и религиозных текстов означало покушение на самую суть православной веры, настоящее

святотатство. Церковные реформы середины XVII века народным сознанием были вписаны в схему поэтапного воцарения Антихриста, воплощением которого объявлялся Никон. Не обошлось и без трагического стечения обстоятельств.

В мае 1654 года патриарх Никон приказал собрать по Москве и соскоблить иконы, написанные в западной реалистической манере. Это вызвало волну недовольства в народе, не воспринимавшего такого отношения к «образу Божьему». В июле началась эпидемия чумы, а 2 августа произошло солнечное затмение, что было воспринято как гнев Божий за действия патриарха. Реформы Никона только-только начинались, однако общество уже было готово встретить их в штыки. Зарождению оппозиции способствовали голод 1655–1656 годов и очередная комета («хвостатая звезда и кровавые столпы»)⁹.

Накануне 1669 года среди «капитонов» начались массовые самоуморения и самосожжения. Таким путём люди стремились очиститься от «скверны Антихристовой» и подготовиться к Страшному суду. Осенью 1668 года тысячи людей ложились в могилы и гробы, ожидая второго пришествия Христа¹⁰. Впрочем, не все вели себя пассивно. Многие представляли Страшный суд как расправу со своими мучителями. Так мыслил, например, протопоп Аввакум: *«Я ещё даст бог прежде суда тово Христова взявше Никона разобью ему рыло. Блядин сын, собака, смутил нашу землю. Да и глаза те ему выколупаю, да и ткну ево взашей: ну во тьму поиди, не подобает тебе явится Христу моему свету. А царя Алексея велю Христу на суде поставить. Того мне надобно шелепами медными попарить»*¹¹.

Однако в 1669 году всё обошлось. Тогда, недолго думая, сделали поправку на возраст Христа и

с. 124

«конец света» перенесли на 1702 год, а воцарение Антихриста — на 1699 год. Но в конце XVII века начался новый акт трагедии: Алексея Михайловича заменил его сын — Пётр.

Уже его отъезд за границу вызвал брожение умов. Этот поступок ломал не только традиции царского двора, но и народные представления о монархе, который не должен покидать своей страны. Ожидания Антихриста (1699) совпали с возвращением Петра из-за границы (это случилось 25 августа 1698 года за 5 дней до Нового года) и казнями стрельцов. С этого времени в народном сознании появляется тенденция к отождествлению Петра и Антихриста¹².

«Староверы», говоря о воплощении Антихриста в образе Петра I, ссылались на то, что он «мучает православных христиан», вводит бранобритие и «латинскую веру» (иноземные обычаи и одежду), кутит и устраивает фейерверки («чудеса прелестные»), «изменяет времена и лета» («календарь»). Кошунством выглядели и такие мероприятия Петра, как ревизия («описание народное») и введение подушной подати, принятие императорского титула («Император из Рима изыде, да к нам в Россию прииде») и учреждение Синода. Последнее означало, что Петр «восхитил власть святительскую» и «приял на себя титул патриаршескую»¹³.

«Раскол церкви» перерастал в раскол общества.

Екатерина II оказалась в более выгодной ситуации по сравнению с её предшественниками-реформаторами. От неё уже не требовалось кардинальных преобразований, а ожидания «конца света» ко времени её правления значительно ослабели.

XVIII век — это время зарождения и бурного развития сектантства. Вступление в секту аллегорически означало очищение от «скверны» и достижение личной праведности. Обряды и песни сект символически изображали Страшный суд и помогали его «пережить»¹⁴. Соответственно, сектанты вполне довольствовались простым осуждением «греховного мира».

Однако примирения власти и общества не произошло. После смерти Петра I наступила эпоха дворцовых переворотов. Их участники знали, что народу всё равно, кто окажется на троне. В XVIII веке дворянство стало более расчётливо относиться к монарху и вопросу о престолонаследии, ощущая себя единственным источником власти. На престол начали возводить иноземцев и женщин. Положение самодержца, призванного «со стороны», во многом зависело от отношения к нему дворянства. В этих условиях монарх не мог не идти на расширение дворянских привилегий за счёт других слоёв общества.

Екатерина II, не желая оказаться жертвой очередного дворцового переворота, сделала всё для укрепления власти дворян. Крепостные крестьяне фактически превратились в рабов. Они потеряли право жаловаться на помещика, который мог отправить их на каторгу без суда и следствия, они должны были содержать воинские команды, присланные для их же усмирения. Властный «беспредел» стал нормой. Нормой стала и взаимная отчуждённость «верхов» и «низов». Лишь Отечественная война 1812 года объединила на время власть и общество, показав принципиальную преодолимость конфликта.

Итак, большинство реформ в России XVI—XVIII веков отторгалось традиционным (соответственно, и народным) сознанием. Отсюда и огромная роль насилия в их проведении, а также «верхушечный» характер многих нововведений, не затронувших широкие слои общества. Противников реформ часто обвиняли в косности и узости мышления, в культурной ограниченности. Но такой же упрёк вполне можно предъявить и реформаторам.

Каждая культура, каждый тип сознания в чём-то ограничены, поскольку «держат» индивида в определённых рамках, в определённой системе координат. Как правило, человек не свободен в выборе своей «картины мира», посылок своего мышления, он их получает с рождением и воспитанием, и его личность — продукт совершенно определённой культуры¹⁵.

Исходя из этого, нужно быть очень осторожным, оценивая действия людей в ситуациях культурного конфликта, где сталкиваются носители различных типов сознания. А именно такое положение сложилось в России XVI—XVIII веков. Взаимоотношения власти и общества тогда напоминали скорее античную трагедию, где властвует рок, нежели современную драму, строящуюся на уверенности, что «человек сам хозяин своей судьбы».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1863. Т. 2. Материалы и приложения. С. 231.
2. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 49–61.
3. Крупп А. А. К вопросу об историческом прототипе Кудеяра-разбойника // Русский фольклор. Л., 1975. Вып. 15. С. 236–239.
4. Мельгунов С. П. Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. М., 1922. С. 120–121.
5. Харламов И. Н. Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 9. Ч. 2. С. 6–9.
6. Щапов А. П. Русский раскол старообрядства... Казань, 1859. С. 459.
7. Там же. С. 75; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1902. Ч. 2. С. 50.
8. Шульгин В. С. «Капитоновщина» и её место в расколе XVII в. // История СССР. 1969. № 4. С. 131–135.
9. Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 99–104; Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983. С. 158.
10. Шульгин В. С. Ук. соч. С. 135; Харламов И. Н. Ук. соч. С. 12.
11. Малышев В. И. Два неизвестных письма протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 420.
12. Милюков П. Н. Ук. соч. С. 51–52; Никольский Н. М. Ук. соч. С. 168.
13. Щапов А. П. Ук. соч. С. 105, 107–108, 124; Харламов И. Н. Ук. соч. С. 10–11.

14. Плюханова М. Б. О некоторых чертах народной эсхатологии в России XVII–XVIII веков // Уч. зап. Тартуского ун-та. 1985. Вып. 645. С. 66.
15. Касавин И. Т. Познание в мире традиций. М., 1990.